

Арина
Арская

РАЗВОД

ЛЮБОВЬ УМИРАЕТ В 50

Арина Арская

Развод. Любовь умирает в 50

<https://litres.ru/74294268>

Аннотация

— Мы с вашей мамой разводимся, — строго и безапелляционно заявляет Захар нашим детям. Я сжимаю в пальцах мятую салфетку и не мигая смотрю в сторону окна. Нет, я не разрыдаюсь, ведь моего мужа раздражают женские истерики. — Что? — спрашивает наша старшая дочь Снежка. — Что это еще за бред? Сын Матвей поднимает недоуменный взгляд от планшета, приподнимает бровь и молча ждет разъяснений. — У меня другая женщина, — мрачно отвечает Захар, постукивая пальцами по столешнице. — И я вас планирую на днях с Ангелиной познакомить.

После тридцати лет брака я узнаю, что у моего мужа есть другая женщина, к которой он без сожаления уходит. Нам по пятьдесят лет. Мы вырастили и воспитали сына и дочь, у нас четверо внуков, а у него — новая любовь и жизнь. А что будет со мной?

Содержание

Глава 1. Мы разводимся	4
Глава 2. Приведи себя в порядок	8
Глава 3. Элегантная покладистость	12
Глава 4. Развод - дело хлопотное	16
Глава 5. Всего лишь домохозяйка	20
Глава 6. За что ты так со мной?	24
Глава 7. Что это еще за бред?	29
Глава 8. Мам, чего ты от нас хочешь?	34
Глава 9. А теперь разлюбил!	39
Глава 10. Тетя Ангел	44
Глава 11. Поговорите с ним	49
Глава 12. Не раскисай	55
Глава 13. Хозяин моей жизни	59
Глава 14. Капризная и дорогая жена	63
Глава 15. Дам тебе еще недельку	67
Глава 16. Как ты такое допустила?!	71
Глава 17. Не женой ты стала	75
Глава 18. Позвать хозяина	79
Глава 19. Мне больно, Захар	84
Глава 20. Тихая милая лапочка	88
Глава 21. Подружимся?	92
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Глава 1. Мы разводимся

— Мы разводимся, — заявляет мой муж Захар, стоя в проеме комнаты, и зло хмурится. — У меня другая женщина.

В этот момент я встряхиваю с уютным хлопком чистую выглаженную простынь и накрываю ею кровать Али, нашей внучки, которая должна сегодня с братом Артемом приехать на выходные. Я с большим нетерпением ждала эти субботу и воскресенье. Очень соскучилась.

Недоуменно смотрю на Захара, стискивая края простыни, не в силах разжать пальцы, будто они окаменели.

— Что? — тихо спрашиваю я, и мой голос испуганно и недоуменно хрипит.

Нам с Захаром по пятьдесят лет, и мы в браке не два года в драке, не три, и даже не десять. А целых тридцать лет.

Мы три недели назад отпраздновала жемчужную свадьбу. Наши сын Матвей и дочь Снежка организовали нам большой праздник и отправили в сказочный круиз, а потом всей толпой встречали в аэропорту.

У нас же все хорошо.

Какой развод? Захар решил подшутить надо мной, и сейчас засмеется и скажет: “ну, и лицо у тебя, Валюш! Какая ты у меня наивная, всему веришь!”

Потом, конечно, обнимет и нежно поцелует в висок, на

котором я вчера тщательно закрашивала седой локон моментальной краской-спреем.

Хорошая, кстати, краска. пПрям палочка-выручалочка, когда нет времени покрасить волосы у мастера, а мерзкая седина уже вылезла.

— Хорошо, я повторю, — Захар напряженно вздыхает и не отводит от меня черного пронизывающего взгляда, — мы разводимся, и у меня другая женщина. Сейчас все расслышала, Валентина?

На слух я, кстати, никогда не жаловалась. Он у меня острый, и могу на втором этаже нашего большого дома услышать, когда внуки таскают конфеты из нижнего ящика на кухне и как они шепчутся, что я точно их услышу, однако я опять переспрашиваю:

— Что?

Я будто даю Захару шанс сейчас все же рассмеяться и сказать, что он пошутил, но он не думает этого делать и продолжает смотреть на меня с угрюмым вызовом.

На пороге детской, которую я готовила к приезду внуков со стороны нашей дочери, он выглядит пугающим великаном: высокий, широкоплечий и под тонкой тканью рубашки четко угадывают мышцы груди и рук.

Да, у него те пятьдесят лет, на которые могут пускать слюни и молодые девчонки, у которые ищут в мужчинах сильного и властного папочку, но почему-то забывают, что у этого папочки обычно есть жена.

Хотя жена — не стена, подвинется. Вот так просто. Теперь, похоже, и я должна подвинуться.

— Ты ошалел, Захар? — сипло уточняя я, и в груди сердце сдавливает боль, а после в легких становится липко и холодно. Мне становится тяжело дышать. — Какая другая женщина?

Вопрос риторический. Я не жду на него ответа и не хочу его слышать, потому что он не объяснит мне, как так случилось, что в пятьдесят лет я окажусь разведенкой.

Я же была хорошей женой, заботливой матерью и отлично справлялась с ролью хранительницы очага.

— Я тебя с ней познакомлю, — невозмутимо отвечает Захар и продолжает смотреть на меня исподлобья, как буйвол перед атакой.

Я обескураженно молчу и все также сжимаю в пальцах простынь с принтом из милых пушистых медвежат, и медленно моргаю, пытаюсь осознать происходящее.

Я поймала самый настоящий шок, который полностью обездвижил меня. Я словно статуя, и только сердце с каждой секундой разгоняется все быстрее и быстрее.

— Ты же сама понимаешь, что между нами... — у Захара дергается губа в презрении, — я даже не знаю, как все называть. Я рядом с тобой не мужчина.

— А кто? — сдавленно уточняя я.

Ничего не понимаю. Наверное, так себя чувствует слепой крот, когда его выкапывают из земли и кидают в ведро с

холодной водой, чтобы утопить. Для человека он — вредитель, который должен умереть, а для крота происходит что-то непонятное. Вот все было хорошо и уютно в рыхлой земле, а теперь ему холодно, мокро, страшно. Он умирает.

Вот и я умираю. С каждой новой секундой, что режет меня изнутри тонким скальпелем отчаяния перед мужской жестокостью.

— Я рядом с тобой дед, Валя, — Захар с угрозой щурится. — Я устал от этого. Я долго размышлял и принял решение о разводе.

У меня вздрагивают ресницы, и глаза жгут ядовитые слезы.

— Только не реви, — недовольно хмурится и его голос становится жестче. — Все решено. Ты уже не девочка, истерики не будут тебе к лицу. Я жду от тебя реакции взрослой и умной женщины.

Глава 2. Приведи себя в порядок

А какой бывает реакция у тетки в пятьдесят лет после объявления вот таких невероятных новостей о разводе и другой женщине? Это хороший вопрос, на который мне сейчас срочно нужен ответ, потому что в моей голове пусто.

— Ты что такое мне говоришь?! — слышу свой визг будто со стороны. — К нам сегодня внуков привезут! Нет у меня времени на твои глупости!

Сдергиваю с кровати простыню, откидываю ее в сторону и сердито шагаю мимо Захара, который провожает меня угрюмым тяжелым взглядом.

— Как взбредет что-то в голову! — рывкаю я и недовольно поправляю волосы на макушке.

Еще несколько шагов и останавливаюсь, вновь оцепенев, как лягушка, которую кинули в морозилку.

У меня мозг будто трескается, и под этими трещинами пульсирует паникой и недоумением.

— Мы можем же обойтись без истерик, Валь, — с небольшим раздражением вздыхает Захар, будто говорит не с женой, с которой он прожил тридцать лет, а с капризным ребенком, который отказывается идти спать на дневной сон. — У нас с тобой давно уже не семья, а так, пародия, в которой все улыбаются через боль.

— Нам скоро привезут внуков, — говорю я, упрямо игно-

рируя жестокую правду, и пытаюсь спрятаться за приездом Али и Артема.

— Не привезут, — чеканит Захар. — Я позвонил и сказал, что у нас планы на эти выходные поменялись.

— Но они не поменялись...

Теперь меня начинает потряхивать и подташнивать как после горького тоника с хинином.

— Валь, возьми себя в руки.

— Тридцать лет, Захар, — с ресниц срываются слезы, — это целая жизнь, черт тебя дер... Ты не можешь вот так поступить со мной, — сглатываю и в ярости, которая знакома только обманутым женщинам, вскрикиваю, — это несправедливо! Ты меня слышишь? Несправедливо!

— Как есть, — возражает Захар. — И не надо кричать. Ты же знаешь, я не люблю, когда ты повышаешь голос.

Да, я знаю, что он не любит истерики, слезы и когда в женском голосе прорезаются капризы и требовательные нотки. С ним я должна ворковать ласково и сладко, когда надо о чем-то попросить, уговорить или что-то предложить, а если случился конфликт, то женщине стоит быть сдержанной и тихой, потому что сила жены в мягкости и воспитанности.

Никому не нравятся хабалки и истерички. С такими не будет крепкой семьи, стабильного союза и уютного дома, в котором мужчина отдыхает от забот и тревог.

— Ты завел на стороне бабу и говоришь мне, чтобы я не кричала?! — взвизгиваю я так громко, что я аж чувствую,

как дрожат мои голосовые связки. — Тридцать лет!

— Я и после сорока лет развелся, если бы решил, что так будет правильно! — Захар тоже повышает голос, и от его привычного тембра вибрируют паркет под ногами и потолок над головой.

— Для кого правильно?! Мерзавец ты такой! Да как ты смеешь тут стоять передо мной и вещать, что правильно, а что нет?! Бес в ребро, да? где твои приличия, Захар?!

Я кричу и кричу, а после кидаюсь в его сторону с кулаками. Мной движет бессилие и дикая злость, что я после стольких лет окажусь разведенкой. Мне не двадцать, не тридцать, не сорок, чтобы говорить о новых горизонтах в моей увлекательной жизни после пятидесяти.

Захар подхватывает с консоли на столе вазу со свежими георгинами, которые он одним резким движением выдергивает, и в следующую секунду жестоко выплескивает холодную воду мне в лицо.

Я резко торможу и столбенею, крепко зажмурившись. Вода стекает по лицу тонкими ручейками, а бежевая атласная блузка на груди вся мокрая до пояса юбки.

Жалко отфыркиваюсь, пальцами убираю влажные волосы за уши и затем круглыми глазами смотрю на Захара, который с громким и предостерегающим стуком возвращает вазу на консоль.

Слова возмущения застряли в глотке, и с носа падает капля воды.

Это что еще такое было?! Мой муж, с которым мы воспитали двоих детей, которому я отдала молодость и здоровье, выплеснул на меня воду из-под цветов.

Медленно отлепляю с щеки продолговатый зеленый листочек, в дикой растерянности глядя на Захара.

— Успокойся, приведи себя в порядок, и мы вновь попытаемся поговорить, — он не моргает и походит сейчас на разъяренного медведя, — еще раз повторяю, Валя, я не буду терпеть истерики. Во-первых, твои крики раздражают, а, во-вторых, это выглядит жалко.

Глава 3. Элегантная покладистость

Захар уважает в женщинах элегантную покладистость. Не заискивающую кротость рабыни или вынужденное подчинение служанки, а именно элегантную покладистость. Что же это означает?

Быть всегда за его спиной, уважать любое его решение, поддерживать, и при всем этом быть для других той женщиной, которой восхищаются. Мужчины — за утонченность, мудрость, верность и недоступность, ведь такая интеллигентная красавица бывает только с особенными мужиками, а женщины — за ту утонченность и мягкость, которая может и зверя усмирить.

Только вот все это оказалось пустым пшиком для моего мужа в пятьдесят лет, потому что он устал от меня, от брака и от того, что наша жизнь стала слишком предсказуемая.

Для меня это было стабильностью и уверенностью в завтрашнем дне, а для него — унылыми буднями.

Выключаю фен и откладываю его в сторону. Руки дрожат. Закрываю глаза в попытке сдержать слезы и медленно выдыхаю через нос.

Я соглашусь с моим мужем, что истерики от пятидесятилетней женщины, с которой решили развестись, выглядят жалко. Увы, но это так.

Жестокую правду и эгоизм мужчины надо принимать с ко-

ролевской невозмутимостью, но... на такое способна лишь та женщина, которая не любит.

Может, я сплю?

Собираю волосы на затылке, ловко закручиваю их в пучок, которые закалываю несколькими шпильками.

Да, я не стала спорить с Захаром и пошла приводить себя в порядок, как он и приказал, потому что опять же я не хочу выглядеть жалкой и мокрой курицей.

По щеке скатывается слеза, которую я торопливо смахиваю и подхватываю со спинки стула платье из пыльно-розового бархата.

Я его роняю. Зажмуриваюсь, выдыхаю и сажусь на корточки со стоном отчаяния и ужаса.

Тридцать лет брака ничего не стоят для Захара. Сколько мы вместе пережили, но новая любовь все это стерла из его сердца, и теперь я для него опостылевшая тетка не первой свежести.

Досадное недоразумение.

Я выхожу из нашей с Захаром спальни лишь через десять минут. Нет, я не заплакала, но ком в горле так и не смогла сглотнуть.

Острые низкие каблуки утопают в ворсе ковровой дорожки. Иду к лестнице, немного вскинув подбородок, и кидаю безнадежный взгляд на букет белых георгинов, которые уже подвяли без воды.

Они — отражение моей души, которая тоже увядает.

У лестницы останавливаюсь. Внизу у первой ступени меня ждет Захар, который смотрит на меня исподлобья.

В голове проносятся воспоминания, в которых я по этой самой в дикой радости торопливо спускаюсь к молодому мужу, который вернулся домой с работы с букетом розовой пышной гортензии. Мне кажется, я чувствую его теплые объятия, жадные поцелуи в шею, от которых мне щекотно, но это игры разума.

Мой муж стоит внизу, и в его сердце больше нет любви и страсти, а в глазах — отстраненная и холодная решительность.

Это конец. Лестница — эшафот, а Захар — мой личный безжалостный палач, но я должна спуститься к нему если не эффектно, то хотя бы без слез и всхлипов.

Не ради того, чтобы Захар не раздражался, а ради себя. Ради того, чтобы потом не вспоминать этот момент с отвращением к своей слабости и убогости перед высокомерием Захара.

— Успокоилась? — интересуется он. — Пришла в себя?

Судорожно выдыхаю и коротко киваю. Спускаюсь на одну ступень и касаюсь отполированных мраморных перил, чтобы подстраховать себя от падения.

Вторая ступень, третья ступень, и я останавливаюсь, чтобы дать себе передышку, ведь из глубин моего тела и души рвутся крики и слезы, которые я опять пытаюсь сглотнуть.

Я хочу орать. Орать надрывно и так громко, чтобы разби-

лись все стекла и зеркала в нашем доме.

Чтобы у Захара лопнули барабанные перепонки и остановилось сердце.

Еще несколько ступенек.

— Ты бы не могла поторопиться, — интересуется он. —

Чего ты медлишь?

— Да как ты можешь... — я задыхаюсь от возмущений и растерянности, — ты, правда не понимаешь? Да что с тобой?! Мерзавец!

Пару секунд молчит, глядя на меня с усталой надменностью.

— Я жду тебя в гостиной, Валентина, — наконец, терпеливо говорит он и шагает прочь от лестницы, — похоже, успею чашечку кофе выпить. Ты стала еще медлительнее, чем раньше. Ну, хоть не охаешь, как старушечка.

Глава 4. Развод - дело хлопотное

Когда я захожу в гостиную, Захар действительно флегматично пьет кофе, развалившись в кресле у камина, в котором тлеют угли алыми пятнами. Останавливаюсь в дверях и наблюдаю, как Захар подносит чашечку к губам, как делает глоток и как возвращает чашечку на блюдце, которое держит во второй руке.

У меня мир разорвался на мелкие ошметки после его признания, а он сидит и наслаждается полуденным кофе и слушает, как тихо потрескивают угли в камине.

В гостиную торопливо заходит наша домработница Анна. В ее руках — поднос, на подносе — кружка, из которой поднимается пар.

— Ваш чай, — неловко улыбается она мне и семенит в сторону камина.

— Да, я попросил Аню приготовить твой успокаивающий чай, — с бесстрашием врача-психиатра говорит Захар, — он тебе сейчас точно не помешает.

Анна молча ставит кружку с чаем на низкий столик и спешно ретируется, почувствовав сильное и острое напряжение между мной и Захаром.

Я бы тоже сейчас не отказалась вместе с ней скрыться на кухне, запереть двери и отсидеться с Аней в ожидании, когда Захар, наконец, скажет, что он пошутил.

Но он не пошутил, поэтому я медленно иду к камину, у которого мы вместе провели не один день за чтением книг или тихими беседами.

Сейчас кажется, что все это было не с нами, будто мне наш брак и наши вместе прожитые годы мне лишь приснились, а сейчас я проснулась и оказалась в ледяной проруби отчаяния.

Когда я сажусь с прямой спиной в низкое кресло, задержав дыхание и слезы, Захар отставляет блюдце с чашкой кофе и деловито выдергивает из кармана пиджака белый платок.

Протягивает платок мне, не глядя на меня:

— Возьми.

Какой заботливый у меня муж.

— Какой же ты бессовестный.

— Обойдемся без оскорблений, дорогая, — все также держит платок передо мной. — Ты же не хочешь, чтобы я потерял терпение. Ты же знаешь меня, — не отводит взгляда от угольков в камине, — все эти претензии и обвинения выводят меня из себя очень быстро.

У меня от его низкого голоса, который походит на тихий рык зверя, который предупреждает, что за любое неосторожное движение он откусит руку, бегут по телу холодные мурашки.

Нет, я не хочу узреть и слышать Захара в ярости, потому что это страшно. Я однажды видела, как его накрыло волной гнева после звонка отца, который сказал, что его пытаются

подставить на большие бабки с какой-то сделкой, а за эту сделку был ответственен именно Захар.

Его взгляд за несколько секунд остекленел, а лицо застыло непроницаемой маской отстраненности. Он тогда уехал из дома, вернулся под утро. Все кулаки были сбиты чуть ли не до костяшек, а рубашка так и не отстиралась от крови.

Он заверил, что никого не убил, лишь преподал урок: не надо думать, что кого-то из Ярмоловых можно подставить и посчитать за дурака, но я до сих пор помню, как обрабатывала его разбитые кулаки, а он будто и боли не чувствовал.

И сейчас я чувствую в нем ту темную тень, которая тогда вырвалась на свободу.

— Я не думаю, что нам есть о чем говорить, — вырываю из его пальцев платок. — Ты уже все сказал. Проваливай... — делаю паузу под его тяжелым взглядом и тихо поправляю себя, — уходи к своей новой любви.

— Развод - дело хлопотное, — хмыкает он. — Энергозатратное и нервное. Я не хочу его затягивать, Валюш, — глаза становятся его еще темнее. — Моя женщина и так слишком долго ждала.

Его жестокие слова пробивают меня от макушки до пят будто сильной предсмертной судорогой. Я прерывисто выдыхаю:

— Значит, разводишься со мной, чтобы вновь жениться?

— Да, — не отводит взгляда. — Сделай хотя бы глоток чая. Тебя трясет.

Если я сейчас переверну столик с криками, то я получу облегчение лишь на несколько секунд, а затем мне самой будет противно от своей истерики, которые всегда были для меня непозволительной роскошью. Ни моя семья, ни Ярмоловы не любят эмоциональных дам, ведь позволить себе быть громкой, непростительно требовательной, напористой могут лишь деревенщины и девки из маргинальных слоев.

Когда подхватываю кружку с травяным чаем, Захар едва заметно прищуривается. Делаю глоток. Чувствую горькую ромашку, терпкую мелиссу и нотки мяты. Жар чая растекается по глотке и смягчает ком слез, который застрял в горле камнем.

— Никто не оставит тебя без трусов, Валя, — заявляет Захар. — Твоя жизнь не особо изменится, — вновь с тяжелым вздохом подносит к губам чашку с черным, как его душа, кофе, — если не начнешь выеживаться.

Глава 5. Всего лишь домохозяйка

Руки так и дрожат, а вместе с ними и кружка с чаем. Я не могу сосредоточиться на том, что сейчас говорить Захар, потому что все силы сосредоточила на слезах, от которых мои глаза болят и будто распухают.

Какая же это дикая несправедливость, что я не имею право на слезы после новости о разводе с мужем, с которым мы прожили три десятка лет.

Делаю новый глоток, рука опять вздрагивает и я чуть не проливаю на себя горячий травяной завар. Отставляю кружку:

— Ничего не изменится? — спрашиваю я и позволяю себе острую наглость, — после тридцати лет брака я на многое могу претендовать, Захар.

— Все эти тридцать лет ты была домохозяйкой, Валюш, — он разворачивается ко мне вполоборота. — Кстати, с кучей прислуги. Так что, я бы не назвал тебя и классической домохозяйкой, милая, — сдержанно улыбается, — не спорю уют ты создавала, этого не отнять, но ты же совсем понимаешь, как я веду дела, да? — прищуривается, и у меня холодок по спине, — я же тебя просил. Не надо выеживаться, Валь.

— Не говори со мной в таком тоне...

— Хочешь получить половину? Получишь, но, Валь, — обнажает зубы в улыбке, — но начнем с того, что, допу-

стим, мой бизнес уже частично отошел нашему сыну, а другая часть раздроблена филиалы, в которых я только значусь генеральным директором, но не владельцем или учредителем, а моя команда адвокатов — зубастые акулы, которые не раз вытаскивали меня из таких жоп, что мой развод с дележкой имущества для них окажется просто на один зубок.

Видимо, Захар замечает, как дергается мое лицо.

— А ты... ты, Валюш, домохозяйка, — вздыхает. — И ею останешься. Я повторю, для тебя мало, что изменится. Будешь также вести разговоры с цветочками в оранжерее, ждать внуков и читать книги по вечерам с очками на кончике твоего милого остренького носика.

Если он себе позволил выплеснуть на меня воду из-под георгинов, то могу ли я ошпарить его самодовольную рожу чаем?

— Мы разводимся тихо и спокойно, — продолжает он. — Не разводишь драму на весь мир. Это жизнь, Валь, и мы не чужие люди. Ты мать наших детей, женщина, которую я любил...

Все же из меня вырывается одна слеза, и я торопливо прижимаю платок к правому глазу, который предал меня.

Сердце заполнено черной слизью безнадёги.

— Ты должна понять меня, — делает последний глоток кофе и с раздраженным стуком оставляет пустую чашечку с кофейным осадком на дне, — я тебе не враг. Я просто не хочу скандалов, истерик и мозгомойки, какой я подлец и мер-

завец и как я посмел в пятьдесят лет пойти на развод.

— А ты с этим не согласен?

— Мы с тобой живем, как соседи, — буравит меня недобрым взглядом. — Нет, не как соседи, извини, — хмыкает, — а как престарелые брат с сестрой. И уже несколько лет.

Я возмущенно открываю рот, чтобы возразить его глупым речам, но он хмыкает:

— Прекрати, — смеется, — когда в последний раз мы...

— Мы уже не в том возрасте, — перебиваю его, — это в юности и молодости... — я не могу договорить свою мысль, — нам так часто, как раньше не надо...

— Вот как? — Захар совершенно не смущен таким сомнительным и интимным разговором. — А мне надо, — недовольно и тихо цыкает и вновь смотрит на уголки в камине, — но уже не с тобой.

Вот уж точно как ножом по сердцу. Какое избитое, но точное выражение.

Но уже не с тобой. За этими словами женскую душу ждет смерть.

— Как же так? — шепчу я в пустоту.

— Мы все еще в каком-то смысле останемся семьей, — Захар игнорирует мой риторический вопрос, — у нас дети, внуки. Да, за столько лет мы стали слишком близкими родственниками.

Задумчиво замолкает и откидывается назад.

— Дом в любом случае останется тебе, — прикрывает ве-

ки, — его делить мы не будем.

— А тебя с новой женщиной ждет новый дом? — хмыкаю я. — те самые приятные хлопоты молодоженов? Выбор нового гнездышка, обоев... — глотку схватывает болезненный спазм, — новой детской.

Переводит на меня взгляд, и около минуты мы смотрим друг на друга в гнетущем молчании.

— Возможно, — соглашается Захар, — но это уже не твоя забота, Валя.

Глава 6. За что ты так со мной?

— Валентина, дети приехали, — в спальню заглядывает Анна и немного хмурится, когда я оборачиваюсь. — И я на стол уже накрыла.

В спальне — бардак. После моих предположений, что любовница Захара родит ему ребенка, у меня мозги перегорели.

Я не заметила, как поднялась на второй этаж, как заперлась в спальне и как устроила в ней разгром под предлогом, что неверному мужу надо помочь собрать чемоданы.

Я бесновалась несколько часов, пока не упала без сил посреди разбросанных мятых рубашек, пиджаков, мужских носков, брюк и туфель.

— Дети? — недоуменно переспрашиваю я Анну.

После меня опять накрыло женским бешенством, в котором я вновь кричала и проклинала Захара последними словами. У меня даже голос сел, и говорить я сейчас могу тихо и хрипло.

— Да, ваши дети, — Анна неловко улыбается, — ваш муж их вызвонил на ужин.

Я думаю, Захар слышал мои крики и грохот, с которым я громила спальню, но ничего не предпринял. Сидел в гостиной, пил кофе, слушал мою истерику и ждал, когда я либо помру от разрыва сердца, либо выдохнусь и успокоюсь, по-

тому что крики и слезы должны однажды закончиться.

Но, наверное, он предпочел, чтобы я умерла от разрыва сердца, ведь тогда было бы проблем меньше. Закопал и не надо обеспечивать опостылевшую бывшую жену и играть в благородство.

— То есть он решил сегодня все растрезвонить о том, что мы разводимся и что он нашел новую любовь?

Конечно, я жду от Анны женской поддержки. Может, она хотя бы согласится, что мой муженек — отъявленный мерзавец и козел, но она что-то не торопится вставать на мою сторону.

— Ладно, я сейчас спущусь, — разочарованно вздыхаю я.

Чего я жду от человека, которого нанял мой муж? Для Анны мы не семья, а работодатели, и сейчас под угрозой ее место. Если Захар разводится со мной, то кто теперь будет платить ей зарплату.

— Не в таком виде, — тихо предостерегает меня Анна и торопливо исчезает за дверью.

Смотрю в зеркало.

Глаза красные и опухшие, волосы растрепались. Горько усмехаюсь. Если лет в двадцать можно красиво поплакать, и опухшие веки с красным носиком могут быть милыми и очаровательными, но не в пятьдесят.

Я выгляжу жутко и жалко, и я не позволю себе показаться в таком виде перед детьми и Захаром, который в очередной раз проникнется ко мне презрительной жалостью и раздра-

жением.

— Мама, — раздается голос Снежки и тихий стук косяшек по косяку двери, — а ты чего спряталась? Зачем вы нас собрали? Я войду?

— Я не одета! — лгу я.

— Блин, мам, — вздыхает Снежка. — Вы нам все планы сорвали. То везите внуков, то не везите и сами приезжайте на ужин. Я ведь нашу няню уже отпустила, — фыркает, — блин, так нельзя. Я бы не отпускала.

— Ты же нашла выход из ситуации? — слышу строгий голос Захара. — Что ты устроила трагедию из мелочи? И какие такие ваши планы я нарушил, м?

— Пап, ты чего такой заведенный?

— Я так часто прошу, чтобы вы с братом приехали? — голос Захара становится строже.

— Ты меня пугаешь, пап.

— Вернись к брату или помоги Анне накрыть на стол. Что-то она в последнее время очень нерасторопная стала.

Вздрагиваю и даже почти подскакиваю, когда в спальню беспардонно и без стука заходит Захар.

Закрывает дверь, окидывает взглядом спальню и разочарованно цыкает. Чувствую себя маленькой капризной девочкой перед папой, который очень рассердился, что я разбросала игрушки.

Но мне пятьдесят лет, и я ему не дочка, а жена, которую он обманул и предал, но почему я чувствую себя какой-то

глупой и истеричной малявкой рядом с ним? Почему моя роль любимой и уважаемой жены сменилась на что-то непонятное. Кто я теперь, если не жена?

— Повеселилась? — спрашивает Захар без тени вины или сожаления. Прячет руки в карманы брюки и хмыкает. — Я уже подумывал вызывать санитаров.

— Ну, вызвал бы, — меня опять начинает трясти. — Упрятал бы меня в психушку. Хуже уже не будет.

— Любишь ты драматизировать.

— За что ты так со мной? — задаю я глупый вопрос, который озвучивают все преданные мужчинами женщины.

— Как именно? Я хочу с тобой развестись цивилизовано и обеспечить тебе спокойную размеренную жизнь, в которой ты опять будешь занята цветочками и внуками, — пожимает плечами. — Ты не можешь мне отказывать в том, что я хочу быть с другой, Валь.

— И эта другая, вероятно, помоложе меня? — вскидываю бровь. — Конечно, помоложе, раз может родить. А наши дети, Захар, уже и не твои дети?

— Мы наших детей вырастили, и я их обеспечил, — он не отводит от меня взгляда. — Свои родительские обязанности перед ними выполнил, поэтому, Валь, не прикрывайся детками. Они далеко не малыши.

— Ты после ужина оставишь меня? — сжимаю кулаки. — Ведь план такой, да? Обрубить все концы и в новую жизнь с новой молодой любовью?

— Да, я не вижу смысла больше быть в этом доме, — окидывает нашу спальню задумчивым взглядом, — проводить ночи тут.

Вновь смотрит на меня. Молчит несколько секунд и с холодом говорит:

— Не мы первые разводимся, и не последние. Это жизнь, Валентина, и я верю, ты все же возьмешь себя в руки.

Глава 7. Что это еще за бред?

— Пап, что за интригу вы держите?! — Снежка настороженно смотрит на отца, а потом на меня, а я дрожащими пальцами убираю выбившийся локон за ухо.

Сглатываю, и у меня в глотке будто перекатываются раскаленные докрасна камешки. Тянусь к стакану с водой.

Это так цинично собрать семью за ужином, чтобы озвучить свое решение о разводе. На что надеется Захар?

Я не знаю, как в обычных семьях говорят о разводах, но вряд ли все происходит вот так. Пренебрежительно и высокомерно.

А еще удивительно, что я участвую в этом фарсе и пытаюсь держать лицо, как приказал мой любимый и подлый муж. Сколько лет я играла по его правилам? Сколько лет я удовлетворяла его хотелки, чтобы я была мудрой, сдержанной и с благородством подчинялась его мужскому эго?

Да с первого дня нашего знакомства.

Он же сразу дал мне понять, какую женщину он видит рядом с собой в качестве жены, а я не возмутилась и не воспротивилась, потому что сама считала, что сильному мужчине нужна именно интеллигентная овца.

Влюбись он в дерзкую девчонку, то он бы, наверное, уничтожил ее, задавил и сломал в попытках вылепить идеальную жену, но ему на пути встретилась я.

Настоящая судьбоносная встреча. Именно поэтому на наших годовщинах часто звучало то, что наш брак именно из тех, которые благословляются на самих небесах. Я никогда с этим не спорила и смущенно улыбалась, прижимаясь к Захару, который обнимал меня сильной властной рукой.

Но жестокая правда в том, что такие суровые мужики, когда теряют к женщине любовь, не остаются с ней рядом. Слова долг, ответственность, совесть и стыд при решении развестись после тридцати лет — не про таких, как Захар.

Он понял, что ему со мной тяжело, душно и скучно, и решил, что он не хочет так больше жить, и все. Его никто и ничто не переубедит.

Захар решил и точка, а ваши обиды, слезы и недоумение — это только ваши проблемы, а он идет дальше. В новую жизнь, где нет места унылой тоске, чувству вины перед женой и сожалениям о прошлом.

Он у меня всегда смотрел только вперед и да, может быть, я начала тянуть его в болото, в котором мы — зрелая пара, которая пережила вместе взлеты и падения, бабушка и дедушка четырех замечательных внуков и больше философы, чем любовники.

Все это для Захара — тоскливо и слишком по-старушечьи, но, черт возьми, мы и правда уже не молодые котик и кошечка. Ему все равно никто не отменит того, что нам по пятьдесят лет. Даже молодая жена не обнулит его седину в щетине и волосах. Ее можно только закрасить.

— Дедушка умер? — сипит Снежка. — Господи... все-таки он не пережил операцию на сердце?

— Живой он, — у Захара дергается верхняя губа при упоминании отца, — этот черт еще всех нас переживет.

— Согласен, — наш сын Матвей не отрывает взгляда от экрана планшета. Изучает какие-то документы. — Я думаю, нам надо готовиться, что ему раз десять пересадят сердце, прежде чем он кони двинет.

— Матвей, — хватаюсь за стакан с холодной водой и крепко его сжимаю.

— Извини, мам, — заученно отвечает он, не выныривая из планшета. — Помню-помню, даже к старым козлам надо относиться с уважением.

— Достаточно, — Захар недовольно хмурится.

Опять воцаряется гнетущая тишина на минуту. Я поднимаю стакан в желании сделать глоток. Подношу его к губам, и Снежка взвизгивает, воткнув вилку в румяный стейк:

— Так вы скажете, зачем мы все свои планы побросали. Ради чего, блин?

У меня рука вздрагивает, и я проливаю несколько капель воды себе на живот. рука начинает трястись сильнее, и я отставляю стакан от греха подальше. Моя жажда подождет.

— Тон потише, — приказывает Захар. — Любой вопрос можно донести мирно и спокойно.

Снежка кидает на меня беглый взгляд в поиске поддержки, ведь обычно я смягчала ее отца, который в своем воспи-

тании мог перегибать палку, но я сейчас беспомощна перед его гневом, потому что я перестала быть для него любимой женой.

— Ты, правда, Снеж, что-то нервная стала в последнее время, — Матвей перелистывает на планшете страницы документы и хмурится, — и какие такие планы отец тебе нарушил? — усмехается. — Маникюр, педикюр? Встречу с подругами и сплетни, кто кому изменяет и кто с кем собирается разводиться?

Какая ирония. Теперь наша дочь может посплетничать о маме с папой, но обычно любят перемывать трагедии других семей, ведь чужая боль не касается тебя.

Выхватываю салфетку из-под тарелки.

— Обойдемся хотя бы без ваших склок.

— Извини, мам.

— Мы с вашей мамой разводимся, — наконец, строго и безапелляционно заявляет Захар нашим детям.

Я сжимаю в пальцах салфетку и не мигая смотрю в сторону окна. Нет, я не разрыдаюсь, ведь моего мужа раздражают женские истерики.

— Что? — спрашивает наша старшая дочь Снежка. — Что это еще за бред?

Сын Матвей поднимает недоуменный взгляд от планшета, приподнимает бровь и молча ждет разъяснений.

— У меня другая женщина, — мрачно отвечает Захар, постукивая пальцами по столешнице. — И я вас планирую

на днях с Ангелиной познакомить.

Глава 8. Мам, чего ты от нас хочешь?

Я жду криков от Снежки и кулаков от Матвея, но наши сын с дочерью молчат и медленно моргают, а затем недоуменно переглядываются.

Потом кидают настороженные беглые взгляды на меня, почти украдкой, и вновь смотрят на невозмутимого Захара, у которого есть невероятный талант самые жуткие для семьи новости преподносить так, будто ничего странного и возмутительного не случилось.

Будто наш развод был ожидаем.

— Вы... что? — переспрашивает Снежка.

— Ты все услышала с первого раза. Не придуривайся.

— Разводятся, — поясняет сестре Матвей. — Вот что они.

Откладывает планшет, и я задерживаю дыхание в ожидании, что сейчас мой сын-защитник даст отцу в морду, но этого не происходит.

Конечно, у моего сына слишком много подвязок в бизнесе с отцовскими схемами и контрактами, и он не может их потерять. К тому же нас сын всегда держал в узде все свои эмоции, и вспышка агрессии в сторону отца были бы для него нетипичными, поэтому мне остается потупить взгляд и прикусить внутреннюю сторону щеки.

Я обязана сдержать слезы.

— Это... — Матвей выдерживает паузу и заявляет, — неожиданно...

— Я долго откладывал этот разговор, — Захар приглаживает волосы и, кажется, облегченно выдыхает.

Раз наследник не стал скалить зубы, то его решение развестись не было ошибочным. Старший сын пусть и недоумевает, но все равно на его стороне, ведь это выгодно, а мама... а что мама? Мама разве подбросит перспективных контрактов, познакомит с влиятельными людьми, подскажет, к кому обратиться, если возникли юридические проволочки или вопросы с налоговой?

Нет. Мама — это мама. Сейчас никому не надо подтирать носы, петь колыбельные, дуть на ссадину и выводить вшей, потому что детки выросли.

— Офигеть, пап... — сипит Снежка и больше не повышает голос до истеричных и капризных ноток, потому что уловила в отце его угрюмую решительность все разрушить.

Если она сейчас начнет вякать, кричать и бить, например, посуду, то Захар этого не стерпит, и в воспитательных целях прикроет зятю кислород. Зять-то у нас тоже ведет дела с Захаром. Не такие масштабные, как Матвей, но тем не менее несколько проектов профинансированы именно моим мужем.

Все у него схвачено.

— Да как ты мог? — Снежка неуверенно встает и броса-

ет салфетку на стол, а потом под тяжелым и прямым взглядом садится обратно и сдавленно говорит. — Пап, что ты творишь...

Это вся поддержка, на которую мне стоит рассчитывать. Никто для моего мужа не указ, когда он что-то твердо решил, и взывать к стыду или совести — бессмысленно. Он выше таких эмоций. Они — для слабых сплунтяев.

— А что с мамой? — тихо спрашивает Снежка.

Это сейчас она с сердечной тревогой спрашивает или боится, что я после этого уродливого и отвратительного ужина соберу чемоданы и поеду к ней жить?

Кстати, почему она этого не предложит?

Почему она не встанет, не возьмет меня за руку и потащит прочь от деспота-отца со словами, что я поеду и поживу у них с Лешей, что она со мной и что она поможет мне пережить развод.

Что она будет рядом, и для этого не надо идти против отца.

— Я не говорил, что я вашу маму выгоняю из дома или оставляю без средств существования, — Захар неприязненно кривится. — Как была домохозяйкой, так и останется.

— Хорошо, — тихо и робко отвечает Снежка, — ну, хоть так...

— Ну, хоть так? — вот тут я не выдерживаю и поднимаю взгляд на дочь, чье лицо за пеленой слез размывается. — Хоть так? У твоего отца другая женщина...

— Мы слышали, мам, — Матвей скрещивает руки на груди и смотрит перед собой, немного нахмурившись. — И я не этого ждал от сегодняшнего ужина.

— И все? — охаю я и встаю, сжимая кулаки. — Твой отец меня унизил другой женщиной, разводом... — начинаю запинаться, — а ты просто сидишь и говоришь, что не этого ожидал?

— Я могу отцу и тебе запретить разводиться? — спрашивает меня Матвей и в ожидании приподнимает бровь.

— Логично, — соглашается Захар.

Снежка закрывает лицо руками и всхлипывает, но какой мне толк от ее слез, если нет той дочерней поддержки, которая могла бы меня сейчас спасти.

— Мам, — Матвей устало вздыхает, — чего ты хочешь от меня?

— В рожу ему дай! — рывкаю я и вскидываю руку в сторону Захара.

По щекам слезы скатываются и разъедают кожу до красных пятен..

— Значит, я должен устроить мордобой? — уточняет Матвей. — Как это поможет? Папа откажется от развода, резко вспыхнет к тебе страстью и любовью?

— Довольно, — Захар поднимается из-за стола, залпом выпивает воду из стакана, который отставляет с громким стуком. — Я вам озвучил свое решение, теперь всем нужно время, чтобы его переварить. Особенно вашей маме, —

смотрит на меня, — психолога я тебе оплачу. Только найди нормального специалиста.

— У тебя совсем совести нет? — задыхаюсь в возмущениях и чувствую, как от подскочившего давления кровь пульсирует в висках.

— Не было бы совести, то оставил бы тебя ни с чем, — шагает мимо к дверям столовой, — и повесил бы тебя на наших детей.

В шоке прижимаю пальцы к губам и смаргиваю новые горячие слезы, которые скатываются к подбородку.

Захар оглядывается на Матвея:

— А нам еще стоит обсудить поставки щебня с Молотовского карьера, — щурится. — Цены поднялись.

Глава 9. А теперь разлюбил!

И Матвей следует за отцом. Конечно, какие уж тут скандалы с неверным папулей, если стоит вопрос повышения цен на щебень? Мама переживает сердечные муки, а вот проблемы бизнеса лучше не усугублять скандалами с отцом, который контролирует многие поставки и контракты.

Захар может так щелкнуть по носу сына, что тот потом годами будет выгребать из финансовых проблем и отсутствия “вкусных” контрактов и поставок. У моего Захара все, как обычно, схвачено по всем фронтам. Он не тот мужчина, который при разводе с нелюбимой женой, получит ненависть, агрессию и оскорбления от взрослых детей.

Потому что их благополучие зависит от милости папы, но не от мамы. Вот такие жестокие реалии жизни.

— Какой ужас, — шепчу я и медленно опускаюсь на стул.

Я и подумать не могла, что окажусь в такой ситуации, в которой почувствую себя слабым ничтожеством. Была женой уважаемого бизнесмена и сурового семьянина, а стала в одночасье нелюбимой и опостылевшей бабой, которую можно облить водой из-под цветов и закидать угрозами.

— Мам... — тихо говорит Снежка. — Я ничего не понимаю...

Я молчу, потому что мне нечего сказать дочери.

— Мам, кто она?

— Я не знаю, — закрываю глаза и медленно выдыхаю через рот, пытаюсь прийти в себя.

Снежка молчит несколько минут и сипит:

— И что ты собираешься делать?

— Дождусь, когда твой папа свалит из дома, который он щедро оставляет мне, и спокойно порыдаю без его приказов заткнуться, — у меня сильно дрожит голос, и последние слоги я начинаю глотать, — вот что я собираюсь делать. Потом сожру ведро мороженого и заполирую это банкой шоколадной пасты.

А, может быть, закажу еще пиццы и несколько порций картошки, которую Захар всегда считал едой плебеев. Теперь я могу с удовольствием хомячить бургер и не бояться, что мой муж сделает ценное замечание:

— Это не еда, это хрючево. Валь, что тебя тянет к этим помоям?

Ишь ты, аристократ. Мое дыхание сбивается в прерывистые короткие выдохи. Я себе вечно во всем отказывала, чтобы соответствовать идеальному образу бессовестной грубой сволочи, которая в итоге все равно меня кидает ради молодухи.

Вот они высокие отношения, ага.

— Точно, надо бы еще пицц пеперони заказать, — цежу я сквозь зубы и зло смотрю перед собой, — поражаю себя.

— Мам, я бы не стала...

Улавливаю в голосе Снежки осуждающие нотки, и пере-

вою на нее недоуменный взгляд. Это что еще такое? К отцу такого тона у нее не было.

— Разожрешься еще, — хмурится.

Я недоуменно вскидываю бровь:

— Не поняла.

— Что тут непонятного, мам? — повышает голос до возмущенных капризных ноток и вскидывает руку в сторону дверей, в которые пять минут назад вышел Захар и Матвей. — У него другая, а ты решила разожраться? Отличный план! Сейчас ты должна быть лучше, чтобы папа разочаровался и вернулся!

У меня челюсть ползет вниз от логики моей дочери, которая сейчас и не думает шутить. Она в своем негодовании серьезна и решительна.

— Что ты несешь?

— Ну, конечно, — она разочарованно вздыхает, всплеснув руками, — давай покажи, что папа прав. Что ты пятидесятилетняя лохушка. Нет бы заняться собой! — опять повышает голос. — Косметолог, фитнес, диета...

Я медленно моргаю. У меня сейчас такое ощущение, что дочь сейчас меня допинывает.

— Вы тридцать лет прожили вместе! Если так долго мужик был с одной женщиной, то он ее любил!

— А теперь разлюбил! — в отчаянии рявкаю я.

— Пусть опять полюбит! — копирует мои интонации. — Мужик в редких случаях уходит от женщины после тридцати

лет брака! В очень редких случаях!

— Вот пусть и валит!

— Вот в этом вся ты! — охает Снежка. — Разобиделась, надулась и пусть дом горит дальше, да?

— Может, ты меня еще обвинишь в его изменах?! — меня начинает трясти крупной дрожью злости. Как же дочь ко мне несправедлива. — Ты в своем уме?

— В разводе всегда виноваты двое, мама!

Вот тут у меня челюсть окончательно падает. Обалдеть, по мнению дочери, я виновата в бесстыдстве и наглости ее отца, у которого мозги потекли от новой любви в его жизни.

— Я думаю, что тебе пора, доча, — стараюсь вернуть голосу твердость, но он все равно вздрагивает обидой и слезами. — Я не буду терпеть еще от тебя пинки.

— В твоем возрасте вообще нельзя терять хватку в браке, — Моей дочери наплевать на то, что я хочу выпроводить ее из дома. — Нельзя расслабляться!

— Хватит!

— А ты расслабилась! — Снежка перекрикивает меня и в ярости смотрит на меня. — и вот результат! Ваш развод!

Прижимаю ладони к висками. У меня сейчас голова треснет от головной боли и паники. Крепко зажмуриваюсь.

Сейчас сделаю глубокий вдох и выдох, открою глаза и проснусь. Это просто ночной кошмар, после которого с частым сердцебиением прижмусь к спящему Захару, который сквозь сон обнимет меня.

— Да что с вами всеми не так... — шепчу я, — как же так можно? Что я вам всем плохого сделала? Я вас любила, я о вас заботилась...

— Наша семья развалилась, — сипит Снежка, — и мы не только отца потерять... Эти любовницы мрази хитрые...

— Прекрати немедленно.

— Это ты прекрати, — Снежка зло отмахивается от меня, — это ты себе можешь позволить обижаться, кричать и плакать, — смотрит на меня исподлобья, — а нам... нам нельзя, мама. Нам надо быть с отцом, чтобы потом не оказаться для него глупым недоразумением, как ты.

Глава 10. Тетя Ангел

— Новая тетя деды красивая, — Алечка облизывает ложку, которую затем вновь погружает в тыквенную кашу. Помешивает ее и шмыгает, подняв на меня свои большие карие глаза, — ба, ты ее видела?

У меня сердце суживается от наивной детской честности в черную точку боли, и я не в силах сказать в ответ шестилетней внучке ни слова.

Красивая, значит.

— Ба, деда теперь всегда будет с новой тетей?

Вот оно женское бессилие, которое известно лишь женщинам после пятидесяти. У тебя нет власти ни над своей жизнью, ни над взрослыми детьми, которым мне не запретить общения ни с отцом, ни с его новой пассией.

И для внуков я всего лишь бабушка. Если наши дети решат, что они должны дружить с той, кто разрушила мою жизнь и брак, то меня никто не слушает.

— С новой тетей бабушки познакомилась, да? — дрожащим от горькой обиды спрашиваю я Алечку, которая решительно кивает несколько раз и засовывает в рот ложку с кашей. Бубнит. — Тетя Ангел.

У меня аж зубы сводит.

— Ангелина, — сипло отзываюсь я и отворачиваюсь от Алечки, чтобы скрыть слезы, что выступила на глазах. — Те-

тию зовут Ангелина.

— Алька ленится полностью выговаривать все имя, — Артем, наконец, выныривает из холодильника со связкой сосисок и куском сыра. — Она же часто сокращает имена. Была Ангелина, стала Ангелом.

Можно было сократить имя до Лина, а не до ангела, но не стану я шестилетке предъявлять претензии, пусть мне сейчас очень больно и обидно.

— Она, правда, красивая? — оглядываюсь на Артема, который кладет сосиски в кастрюлю и заливает водой.

Как сильная и самодостаточная женщина, я не должна вот так унижаться через жалкие вопросы, насколько красива любовница Захара, но во мне говорит уязвленное женское эго. Ему любопытно, на кого променял меня мой будущий бывший муж.

Для Али все красивые, а вот мнение одиннадцатилетнего мальчика даст мне более конкретный ответ о привлекательности мерзавки, которая увела мужа у “престарелой” курицы.

— Наверное, — Артем пожимает плечами, — ба, включи плиту.

Я зависаю на несколько минут в женском отчаянии, и оно окрашивает весь мир в черно-белые тона.

Было бы странно, если бы Захар клюнул на страшную Бабу Ягу. Пятидесятилетние мачо клюют обычно на молодых красоток, ведь смысл в том, чтобы поджечь чужую моло-

дость, энергию и красоту.

Они, по сути, вампиры.

— Ба! — повышает голос Артем.

Встаю, включаю конфорку и смотрю в окно. Я ночами почти не сплю, а если засыпаю, то просыпаюсь в холодном поту и ищу рукой Захара на его половине кровати.

Но потом, окончательно проснувшись, осознаю реальность, в которой муж от меня ушел к другой женщине и что это только у меня под одеялом одиноко.

— А как вы с тетей Ангелом познакомились? — уточняю я у Артема.

— Деда с тетей Ангелом пришли к нам в гости, — отвечает за него Алечка. — Они принесли вкусный торт. Я целых два куска съела... — Аля улыбается, — вся испачкалась, и тетя Ангел много смеялась. А еще... — она округляет глаза, — она вытащила из моего уха монетку.

— Она еще и фокусница, — невесело хмыкаю я, глядя на перед собой блеклым взглядом, — как прелесть.

— Волшебница, — Алечка шлепает ложкой по каше, — так ее деда называл.

— Не балуйся, — на автомате говорю я, когда на столешницу падают несколько капель тыквенной каши.

— Она прикольная, — Артем режет толстыми кусками сыр.

Вот как. Меня внуки ни разу не называли прикольной, а Захар — волшебницей. Чувствую себя старым грязным чул-

ком, который больше никому не нужен. Теперь я точно ощущаю себя старой бабкой.

— Вы с тетей Ангелом подружитесь, — Алечка откладывает ложку и тянется к салфеткам.

— Сомневаюсь, — выдыхаю я.

Я должна держать себя в руках, но очень хочется сбегать сейчас из кухни с громкими рыданиями и запереться в спальне на несколько лет.

Прошла всего неделя, а Захар притащил свою волшебницу к нашей дочери и нашим внукам, и их приняли. Не прогнали, не наказали игнором, а разделили ужин, и после этого Снежка, как ни в чем не бывало, привела детей ко мне, чтобы я не скучала и не раскисала.

Сейчас маме ни в коем случае нельзя раскисать. Даже после удара в сердце я должна держать прямую спину, улыбаться и делать вид, что я сильная.

— Подружитесь, — упрямо повторяет Аля и смотрит на меня с очаровательной улыбкой, — так деда сказал. Я у него спросила. Только тебе надо время, да?

— Это тоже деда сказал? — угрюмо уточняю я.

— Да, — Аля неожиданно резко становится серьезной, — но я хочу, чтобы деда с тобой жил, как раньше. Было же хорошо. Вы поссорились, деда обиделся и поэтому решил жить с тетей Ангел?

— Деда разлюбил ба, — жестоко, но честно заявляет Артем, в котором я вижу тень Захара. — Поэтому появилась

другая тетя.

Закидывает кусок сыра в рот и сердито жует. Забираю у него нож и бросаю в раковину. Больно.

Может, окончить свои муки и воткнуть в сердце нож, которым Артем резал сыр?

— Нет, не разлюбил, — упрямо говорит Аля. — Поругались и обиделся. Вот и все.

Опершись слабыми руками о край раковины, медленно выдыхаю. Меня будто выпотрошили.

— Бабуль, — Артем с опаской смотрит на меня, — нас сегодня деда заберет. Мы после тебя к нему. Он хочет показать, где теперь живет.

Глава 11. Поговорите с ним

— Валентина, — в спальню без стука заглядывает Анна.

— Ты собрала детей? я стою у окна и нервно покусываю ногти. Вредная привычка вернулась ко мне из далекого детства, когда я боялась признаться отцу о тройках.

— Да, но я не об этом...

— Давай ты оставишь свою проблему на потом, — отвечаю немного истерично. Я не оглядываюсь и продолжаю смотреть перед собой.

Пусть Анна выведет детей к Захару, которого я даже на территорию дома не пущу.

Руки трясутся, а Анна не собирается уходить. Стоит в дверях, напряженная и молчаливая, и ждет, когда я все-таки решу сфокусировать свое внимание на ее скромной, но требовательной персоне.

— Анна, — я все же оглядываюсь, — ты должна понимать, что сейчас я не смогу вникнуть в твою проблему, какой бы она ни была.

Хмурится, хочет выйти и уже отступает, стиснув дверную ручку, но неожиданно выпаливает:

— Боюсь, что я эту неделю дорабатываю и... — она делает паузу и осторожно продолжает, — покидаю вас.

Я хорошо и четко расслышала слова Анны, но их смысл — нет.

— Что? — недоуменно переспрашиваю я.

Если Захар оставил мне дом, то логично, что вместе с ним со мной останется и Анна, которую, кстати, я выбирала из всех претенденток на место домработницы, но официально нанимал, оформлял с Анной бумажные вопросы и оплату, Захар.

— Вы не обсуждали с Захаром мою судьбу? — Анна смотрит на меня прямо и с ожиданием.

— Нет, — дрогнувшим голосом отвечаю я, — я... мне было не до этого...

Анна хмурится, поджимает губы и суетливо оправляет подол своего строгого бежевого платья. Вздыхает:

— Мне стоило вчера сразу об этом сказать, — я вижу, что ей очень неловко и даже неприятно обсуждать щекотливую тему о ее положении, — вчера вечером Захар позвонил и сказал, что он хотел бы, чтобы и дальше работала именно на него.

У меня такое чувство, будто в моем сердце медленно и с тихим садизмом проворачивают нож с мелкими зазубринами. Я аж задерживаю дыхание, как при резкой острой боли.

— Но вот вчера вечером вы точно не были готовы на такой разговор.

И я не могу даже поспорить, потому что я вчера вечером после того, как уложила Артема и Алечку спать, заперлась в комнате и никак не реагировала на стук, попытки Анны дозваться меня через закрытую дверь.

Я будто впала в анабиоз.

— Утром хотела, — продолжает Анна, — но тоже как-то не осмелилась, а сейчас как-то все само получилось. Простите, Валентина.

Я медленно прохожу к туалетному столику и в шоке оседаю на пуфик, обитый мягким пудровым бархатом.

Тянусь к одному из флаконов пузатых духов и касаюсь прохладного стекла в жалкой попытке успокоиться.

Глотку словно сжали железными щипцами, а глазные яблоки окунули в кислоту. Задерживаю в себе выдох, с которым из меня польются слезы, и шепчу:

— Вот как.

Значит, в мое содержание не входит оплата домработницы, к которой я привыкла, как к родственнице, пуст и дальней.

Понимаю, что я не в курсе, сколько Захар платит Анне. Такие вопросы никогда меня не касались, потому что это не женское дело вникать в денежные проблемы. Я та, которая всегда «брала деньги из тумбочки», а как они туда попадают — забота Захара.

И эта система хорошо работала, но сейчас все меняется и слишком быстро.

— Будешь теперь продукты покупать новой жене Захара? — горько усмехаюсь я.

Понимаю, что глупо обижаться на Анну и пытаться втянуть ее в развод с Захаром, ведь она всего лишь наемный ра-

ботник и работала в нашем доме за деньги, а не за спасибо, но я вместе с ней будто лишаясь важной части жизни.

Все рушится, а я ничего не могу поделать, потому что я — женщина, которая рядом с сильным мужчиной стала слабой и беспомощной.

— И другие тоже озадачены...

— Другие?

Анна смотрит на меня, как на неразумного ребенка, которому придется взрослеть и узнать жизнь с той стороны, которая была долгими годами скрыта от него.

— Садовник Иван Михайлович, ваш личный водитель Семен... — Анна слабо улыбается.

— Точно, — говорю я и сжимаю в кулаке флакон духов, будто хочу их раздавить, — Захар и их хочет забрать.

— Водитель у него есть свой, — Анна пожимает плечами, — но кто будет теперь платить Семену? И про Ивана Михайловича тот же вопрос. Он вряд ли уйдет к Захару. Если встанет вопрос, что его работа с вашим разводом накрылась одним местом, то он спокойно на пенсию отправиться. Он-то и тут работает больше по привычке.

— Да, конечно... — сжимаю флакон духов крепче.

Похоже, мне не сыграть гордую и независимую, и придется поднимать важный вопрос о моем содержании. Что в него входит, а чего Захар меня лишит.

Вздрагиваю, когда за окном раздается долгий, требовательный сигнал автомобиля. Какого черта?

— Похоже, ваш муж приехал, — невесело отзывается Анна, и, заметив мой недоуменный взгляд, — думаю, что ворота ему открыт Артемка.

Я застываю статуей. Жаль, что я не могу действительно обратиться в камень, которому не надо жить эту жизнь, в которой я оказалась у руин некогда счастливого и крепкого брака.

— Переговорите с Захаром, Валентина, — Анна вздыхает. — Я понимаю, что вы обижены и видеть его не хочется, но лежать и плакать — это непозволительная роскошь для вас. Слезы — для бедных.

Вы не знали, но у Захара есть младший брат Демьян. Тот еще козлище. Загляните и к нему в гости

После измен. Рот закрой и будь мудрой женщиной

<https://litnet.com/shrt/Vnud>

— Закрой свой рот! — от баса мужа вздрагивает хрустальная люстра над моей головой. — Как же ты меня...

Он хочет выругаться матом, но медленно выдыхает и сжимает кулаки, глядя на меня исподлобья. На его виске вздулась вена.

— Как же ты меня утомила, дорогая, — Демьян понижает голос до разъяренной хрипотцы. — Ты бы знала...

— Ты ответишь на мой вопрос?! — срываюсь в судорож-

ный шепот . — Говори! У тебя кто-то есть?!

— Да, — он не отводит взгляда. Глаза, как льдинки, — теперь ты успокоишься?

Двадцать пять лет брака. Двое детей: старший сын Макар под покровительством отца развивает свой стартап, а дочка Марьяша учится в лучшей кулинарной школе Европы. Демьяну — сорок шесть. Мне — сорок четыре.

И жизнь решила меня удивить не только ранней менопаузой, но и тем, что у моего любимого мужа есть любовница

<https://litnet.com/shrt/Vnud>

Глава 12. Не раскисай

— И у тебя хватило наглости заявиться сюда... — торопливо спускаюсь по лестнице к Захару, который бесцеремонно идет через весь холл в сторону гостиной. Я повышаю голос, — Захар!

— Не ори, — он останавливается и смотрит на меня исподлобья. — Ты собрала детей?

Я замираю, вцепившись одной рукой в перила.

Выглядит он, как и всегда, сдержанно, но попроще, чем в будние деловые дни: светлые брюки, белая рубашка-поло с короткими рукавами, которая четко подчеркивает его развитые мышцы рук.

— Если ты и не собрала, то я пойду и подожду, — недовольно цыкает и скрывается в гостиной.

Обескураженно приподнимаю брови и медленно моргаю, переваривая услышанное. Конечно, мой муж никогда не был стеснительным ботаником или тихим лошком, который боится лишнее слово сказать, но сейчас он совсем уж охамел.

— Дети! — кричу я. — Дедушка приехал! Не задерживайте его!

— Сейчас, ба! — мне тоже отвечают криком.

Ко мне спускается Анна:

— Поговорите с Захаром, а иначе я с вами работаю последнюю неделю, Валентина.

Прижимаю кулак ко лбу. Ничего не хочу решать с мужем, который скоро станет уже бывшим. Почему все так сложно?

Торопливо перескакиваю ступени. Анна права. Мне надо с Захаром четко уяснить, что он подразумевает под моим содержанием и очертить рамки дозволенного.

Это ненормально, что он может вот так взять и зайти в дом, который он якобы оставил мне. Он больше не имеет на это права.

— Я же попросил тебя собрать детей, — говорит Захар, когда я захожу в гостиную с гордо поднятой головой.

Развалился в кресле, закинув ноги на журнальный столик, и смотрит на меня с большим и нескрываемым недовольством, в котором он непростительно хорош. Он олицетворение тех фантазий, в которых девушки и молодые женщины ждут брутального и сексапильного папика, который не только обеспечит бабками, купит машину и шубку, но и еще разбудит игривое настроение пристальным взглядом и ухмылочкой.

Тетя Ангел точно не содрогается от омерзения, когда Захар ее целует.

— Валь, я с кем говорю? Со стеной? — вскидывает бровь.

А моя женская фантазия — быть вдовой. Тихой, печальной и скорбящей вдовой, которая раз в неделю приходит на кладбище со строгим букетом белых лилий на могилу мужу и очень горестно вздыхает под черной вуалью. И я думаю, что Захар в гробу выглядел бы тоже хорошо.

— Я посмею беспардонно влезть в ваш разговор, — в дверях останавливается Римма.

— Да я что-то разговора тут не наблюдаю, — Захар раздраженно прищелкивает языком, — чего тебе, Аня?

— Вопрос касается того, что... — Анна избегает пристального взгляда Захара, — того, что вы хотите, чтобы я работала не на Валентину...

— Понял, — Захар хмыкает, — ты об этом. Можешь идти. И завари мне кофейку.

— Хорошо.

А я молчу не потому, что потеряла дар речи или испугалась Захара. Нет. Я очарована его наглостью, и пока я им в каком-то смысле люблюсь, я ужасаюсь тому, что потратила на этого человек тридцать лет моей бесценной жизни.

И я совершенно не понимаю, кто я без него, потому что Ярмолову Валентину создал Захар. Вылепил, подогнал под свои ожидания и требования, сдавил в тисках запретов, ограничений и высоких стандартов.

А я с восторгом все это принимала и верила, что ради такого мужика, с которым мне невероятно повезло, я должна стараться. Из кожи вон лезть.

— Да, я бы хотел, чтобы Анна работала на меня, — Захар смотрит на меня прямо и без каких-либо сожалений, — я за столько лет привык к ее кофе, а привычка, как говорится, вторая натура.

Я издаю истерический смешок. Захар, действительно,

очарователен в своей беспринципности и мужской тупости. От жены, с которой он прожил тридцать лет, родил и воспитал детей, он с легкостью отказывается, а от домработницы с ее кофе — нет.

— Или ты без нее совсем раскиснешь? — напряженно хмурится. — Мне-то не надо, чтобы ты еще в петлю полезла.

Глава 13. Хозяин моей жизни

Захар прав в своих жестоких словах, что я могу полезть в петлю. Я лишилась вместе с ним всего мира, в котором все было просто, понятно, тепло и уютно. Под контролем и тиранией Захара я была в безопасности, и я не решала никаких жизненно важных вопросов, потому что это была обязанность моего мужа. Он — глава семьи.

И он им был.

Да, строгим и где-то жестким, но я никогда не рыдала над теми проблемами, которые есть в жизни обычных женщин. Во мне не было хронической усталости от работы, я не выискивала продукты по скидкам, не рыдала над тем, что детей скоро собирать в школу, а мужу зарплату задерживают.

Захар был в нашем браке сильным, властным и ответственным мужиком, который никогда бы не позволил себе поваляться в кровати лишнюю минуту, потому что ему лень.

Как он говорил: лень — для женщины, но не для мужчины.

И теперь я потеряла того, кто всегда решал за меня, того, за чьей спиной я пряталась и того, кто все эти годы не позволял собираться над моей головой черным тучам.

Я зависима от него, как рабыня.

Кстати, о рабах. Не все рабы могли вынести свободу. Многие возвращались к хозяевам, потому что не могли жить, как

свободные люди, которые теперь сами ответственны за свою жизнь.

— Значит, ты просишь, чтобы я оставил Анну с тобой?
— Захар вновь обрывает гнетущую тишину своим недовольным низким голосом. — Так?

— Ты говорил, что моя жизнь не изменится, — я, наконец, могу говорить, пусть и сипло с нотками слез, — а теперь ты, — я прячу руки за спину, чтобы скрыть от Захара дрожь, — а теперь ты начинаешь по крохам отбирать у меня то, что должен был оставить.

Какая я жалкая. Я не могу быть сейчас громкой, гордой и решительной женщиной, которая может послать мужа далеко и надолго.

Он все еще мой хозяин, от милости которого зависит мое будущее, и мне надо быть сейчас сдержанной и тихой, ведь он уважает только таких женщин.

Сила на его стороне. И деньги. И власть. И связи. И адвокаты, которые самого дьявола могут обыграть.

— Верно, обещал, — Захар щурится на меня.

И тут я понимаю, что Анна была его проверкой, которую я, кажется, прошла. Если бы я сорвалась в крики, оскорбления и требования того, чтобы он свалил из моего дома, то мне бы прилетела жестокая ответочка.

То, что он ушел от меня к другой женщине, не причина вести с ним как хабалка и агрессивная деревенщина.

— А ты обычно сдерживаешь свои слова, — тихо отзыва-

юсь я. — Верно?

В гостиную заходит молчаливая Анна с готовым кофе. Семенит к Захару. Останавливается перед его креслом, наклоняется с подносом, с которого мой муж ловко подхватывает белую чашечку с черной крепкой жижей.

— Я оставлю тебя в этом доме.

— Хорошо, — Анна распрямляется, прижав поднос к груди.

Какова вероятность того, что наша домработница станет личным шпионом Захара? Но не это главное.

Вместе с моим содержанием, содержанием дома и оплатой труда прислуги, я не смогу требовать от Захара того, чтобы он уважал меня.

Того, что он больше не имеет права заявляться в этот дом и пить кофе.

Того, что он больше тут никто.

Мне становится холодно, и опять начинает подташнивать от осознания своей никчемности и бессилия перед Захаром, который сегодняшним визитом в очередной показал, кто тут “папочка”.

— Завари Валюше чайку, — вновь обращается к Анне, которая молча пятится назад и торопливо ретируется.

Кто платит, тот и командует, а я, как бы это смешно ни звучало, просто содержанка. Вот кто я. Пятидесятилетняя содержанка. От осознания такой простой истины я аж рот открываю и несколько секунд стою оглушенная.

Как удивительно все поменяет наш развод с Захаром. Была жена, а стала престарелой содержанкой, к которой можно заявиться кофейка попить и показать свою самцовость.

— Нам надо еще кое-что обсудить, — сажусь перед Захаром на диван с прямой спиной.

— Слушаю, — Захар делает глоток.

— Когда я получу документы на дом?

Глава 14. Капризная и дорогая жена

Захар улыбается.

И это та самая улыбка, которая бы напугала даже самого жестокого и кровожадного маньяка. У меня по плечам бегут мурашки, и я крепко переплетаю пальцы в замок на коленях.

— Ты же знаешь, Валюш, — Захар отставляет чашку с кофе и подается в мою сторону, — я терпеть не могу, когда из меня пытаются сделать идиота.

— Я не понимаю, о чем ты... — прикидываюсь дурочкой.

— Напомни, что я тебе сказал?

Мне кажется, что я бы в клетке с медведем чувствовала себя куда уютнее, чем сейчас с Захаром.

— Я тебе сказал, — тихо говорит он, внимательно вглядываясь в мои глаза, — что я оставлю тебе дом. Так?

— Так...

Да, это было глупо думать, что Захар позволит мне такую смелую авантюру с продажей дома, и он мои планы раскусил сразу, как я сказала о документах на дом.

— И я не сказал, что я оставлю тебе дом, чтобы ты его, моя милая, побежала продавать, — щурится, и его глаза становятся острые и холодные, — этот дом — семейное гнездо...

— Которое ты разрушил, — меня начинает трясти.

Я должна заткнуться, а иначе я пожалею. Захар меня раздавит, как маленькую букашку, если буду громко и назойливо жужжать о том, какой он моральный урод.

— Мы оформим на тебя дом без права продажи, — тихо и уверенно заявляет Захар, — даже не думай об этом. Ты же... — он усмехается, — даже понятия не имеешь, сколько стоит здесь земля, которую купил еще мой отец.

На меня накидывается дикая слабость, и я прикрываю веки на выдохе:

— Ясно, все твои громкие слова были просто... брехней? — зажмуриваюсь и смотрю вновь на Захара.

— Я не позволю тебе продавать землю, к которой ты не имеешь никакого отношения, Валь, — строго заявляет Захар. — Эта земля должна остаться в семье, а ты... за бесценок ее отдашь. Я тебе этого не позволю.

— А что ты мне позволишь? — горько усмехаюсь я. — Быть твоей бывшей женой-содержанкой, к которой ты будешь заявляться, когда тебе вздумается?

Захар смеется. Только это не тот смех, к которому хочется присоединиться и расцвести весельем. Под этот смех хочется забиться под диван.

— Тебя же раньше все устраивало, — Захар резко замолкает. — А сейчас, смотри-ка, замахнулась на продажу дома, в котором даже ни разу полы не мыла.

Во рту становится кисло, и дрожь в теле нарастает.

— Что, Валюш, молчим? — хмыкает Захар, довольный

своим замечанием. — Я же тебе, по сути, даже польстил, когда сказал, что ты домохозяйка.

— Ты женился на мне, чтобы я тебе полы намывала? — повышаю я голос, не в силах терпеть надменную ухмылку того, кто говорил, что его жена не для грязной работы. — да борщи наваривала?

— А ты умеешь? — Захар вскидывает бровь.

— А твоя новая шлюха умеет?! — рывкаю я.

— Умеет, — спокойно отвечает Захар, не спуская с меня насмешливого взгляда. — И убери из своего лексикона слово шлюха.

— Хочешь сказать, что тебя твой ангелочек, — ехидно цежу сквозь зубы, — завоевал борщом? И тем, как она старательно намывала полы до блеска?

— Если ты спрашиваешь, хозяйственная ли она, то, — Захар пожимает плечами, — определенно да.

У меня глаз дергается.

Теперь я в курсе, что тетя Ангел еще и хозяйюшка, которая умеет варить борщи. Как трогательно. До скрежета зубов.

— Если мне не видать дома...

— А на каких основаниях ты хочешь его получить и продать? — перебивает меня Захар. — И не надо сейчас нести пургу, что ты была моей женой и что рожала детей. Ты была очень дорогой в содержании женой, Валюш.

И я не могу поспорить, потому что в браке со мной Захар материально не выиграл и его семья не преумножила капи-

талы. Я вышла замуж за мажора. Да по любви, но не за простого мальчика, с которым в итоге поднялась вместе с низов на верхушку благополучия, поэтому сейчас мои претензии, что я могу выказать право на что-то претендовать из недвижимости, бизнеса, не имеет под собой никаких оснований.

— Я ведь думал, что тебе дорог этот дом, Валюш, — Захар поднимается и поправляет пиджак за полы, продолжая смотреть на меня, как на мерзкую лягушку. — А ты вздумала избавиться от него.

Подо мной трескается лед, и я вот-вот провалюсь в ледяную воду. Я совершила ошибку, когда решила, что могу требовать у Захара документы на дом.

— И ведь продала бы, будь такая возможность, — продолжает буравить меня недобрым взглядом. — И что потом?

— Не знаю... Квартиру бы купила, — сдавленно отвечаю я. — Наверное...

— Я тебя понял, Валюш, — шагает прочь из гостиной, — ты пока не в состоянии все обдумать. Опять истерики, капризы, а взрослой умной женщины я так и не вижу.

Останавливается у лестницы и повышает голос до громового баса:

— Аля, Тёма! Спустились быстро! Считаю до трех! Один...

Глава 15. Дам тебе еще недельку

— Так, целуйте бабушку, — строго командует Захар, — сначала в левую щеку, потом в правую и в нос.

Этот его приказ мог бы быть даже милым, если бы он не вез детей к “новой тете”.

Я должна держать лицо.

Мне надо успокоиться, как-то охладить голову и только тогда я могу понять, как мне быть дальше и как вести себя с Захаром, который может меня за агрессию и капризы сгноить со свету.

Ведь он привык, что все подчиняются его решениям. Даже самым абсурдным.

С ним надо быть хитрой и не давить, а то в ответку он действует жестко. Я уверена, что не подними я вопрос, когда я получу документы на дом, он бы его оставил мне, а так я посмела слишком резко дернуть одеяло на себя.

— Пока, бабуль, — Алечка крепко меня обнимает, а после ждет, когда я к ней наклонюсь, чтобы она чмокнула меня в щеки.

— Ванька и Венька с нами? — уточняет Артем и зеваает, вскинув над головой руки.

Ваня и Веня сыновья Матвея. Ване девять лет, а Вене одиннадцать — ровесник Артема. Те еще сорванцы, кото-

рые слушают только строгого деда Захара, который может их утихомирить одним тяжелым и мрачным взглядом.

— Или Венька и Ванька сменят нас у бабули? — Артем разминает плечи и встряхивает руки, избавляясь от лишнего напряжения.

— Да, мы за ними заедем, — Захар подхватывает рюкзак с пола и протягивает его Артему. — Сразу заберем с тренировок. Кстати, ты почему с ними не хочешь побоксовать.

— Не мое, — Артем закатывает глаза, — я беру умом, а они уже успели мозги себе отбить. Мы их уже потеряли.

— Тебе бы тоже не мешало уметь держать удар, правильно бить...

— Не мое, — Артем упрямо смотрит на Захара, который недовольно щурится, и забирает рюкзак. — Мама говорит, что я творческая натура.

— Творческим натурам часто зубы выбивают, — строго заявляет Захар. — а я бы хотел, чтобы ты выбивал зубы, а не тебе. И тебе не маму надо слушать. Мама — женщина, а женщины они много не смыслят в мужских разборках.

— Я буду ходить на гитару, — Артем закидывает рюкзак на плечи и взъерошивает волосы.

Захар очень недоволен словами Артема, и почему-то смотрит на меня, будто это я уговорила нашего творческого внука записаться на гитару.

— Я переговорю с твоим отцом, — затягивает галстук под воротом рубашки.

Алечка чмокает меня в нос и улыбается, обхватив мое лицо ладонями:

— Может, ты с нами поедешь?

У меня дергается нижнее веко. Я понимаю, что моя очаровательная шестилетняя внучка не со щла предлагает поехать вместе к тете Ангелу.

— Нет, милая. Я останусь дома, — сдавленно отвечаю я.

— Тетя Ангел обещала приготовить новый торт, — оглядывается на Захара, который небрежно застегивает пиджак, — правда ведь? Обещала большо-о-о-ооой шоколадный торт.

Какая талантливая тетя Ангел у Захара. Неужели мой муж подтверждает то глупое утверждение, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок?

Какая возмутительная банальность!

Да если бы от меня требовалось в браке с Захаром варить борщи и печь торты, то я бы такие борщи ему каждый день выкатывала, что все шеф-повара обзавидовались! Когда я переступила порог этого дома, мне четко очертили границы дозволенного — я стала частью семьи, в которой женщины не занимаются “грязной работой”, потому что это для тех, кто не может позволить себе нанять слуг.

Я дословно помню слова свекрови:

— Если ты хотела на кухне часами торчать, то стоило выйти замуж за Васю-сантехника, а не за моего сына. От тебя же потом будет вонять жареным луком. Отвратительно. От

женщины должно пахнуть дорогим парфюмом. Ты не кухарка, дорогуша.

— Будет тебе большой шоколадный торт, — Захар с улыбкой кивает и опять переходит на строгий тон. — Все, марш в машину.

Я с трудом сдерживаю слезы, когда Артем и Аля выходят на крыльцо. Глубокий вдох помогает мне справиться с очередной волной ревности и женской истеричной ярости.

— Тебе все же стоит подумать о знакомстве с Ангелиной, — Захар оглядывается у двери. — Нравится тебе или нет, но она уже стала частью семьи.

С Захаром надо быть тихой, хитрой и изворотливой стервой. Как бы мне сейчас обидно ни было, я не могу воевать с Захаром с криками, угрозами и истериками.

— Я дам тебе еще недельку, чтобы ты пришла в себя, Валуш, — Захар хмурится, — а после я приглашу тебя на ужин с Ангелиной.

Глава 16. Как ты такое допустила?!

— Вы меня решили все же свести в могилу?! — хрипло и в ярости рывкает на меня мой свекр Влас Игнатьевич. Сжимает стойку с капельницей, с которой его привезли ко мне мрачные и молчаливые охранники. — Я! — грозит мне второй свободной рукой, — еще не намерен встречаться со своей женошкой! Еще рано!

Дергает стойку с капельницей за собой и зло ковыляет в сторону гостиной. Колесики стойки неприятно поскрипывают.

Я хочу ему помочь. Старик все-таки после серьезной операции на сердце, но он злобно оглядывается на меня. Я аж отступаю:

— Не смей. Я тебе не инвалид.

Жуткий дед.

Причем он был таким же жутким, пугающим и злым и тридцать лет назад. В первую нашу встречу, он меня окинул презрительным взглядом, скривил губы и тяжело вздохнул, а после кивнул.

Так он одобрил выбор Захара. Коротким молчаливым кивком, после которого поднялся к себе в кабинет и угрюмо заперся там.

Интересно, а Захар, если бы папочка не одобрил его выбора, поступил бы как его младший брат Демьян, который по-

слал всю свою семейку к чертям собачьим, когда Влас Игнатьевич сказал, что не одобрит свадьбу с бледной замухрышкой.

Да, я помню этот громкий скандал, в котором рассвирепевший Демьян дал в рожу отцу, а после кинулся на Захара, который пытался его утихомирить.

Он отказался ради любви от всего.

Что стало с тем диким, агрессивным Демьяном? Наверное, он не посмел бы поступить со своей бледной замухрышкой так, как поступил его старший брат с милой скромницей из простой, но интеллигентной семьи.

— Валя! — орет Влас Игнатьевич из гостиной. — Моих охламонов выпроводи за порог, а то уши развесят! Мужики же хуже баб любят сплетни!

Перевожу взгляд на охранников Власа Игнатьевича, и те медленно пятятся, а потом скрываются за дверью.

— А теперь иди сюда!

— Может, вам не ко мне, Влас Игнатьевич, а к сыну? — громко отвечаю я и не тороплюсь бежать к капризному и противному свекру.

— А ну иди сюда!

Ни у кого из нашей родни не возникает вопросов, почему Ольга, жена этого отвратительного черта, умерла раньше него.

Может быть, мне повезло, что я избавлюсь от Захара в пятьдесят лет, ведь в старости он тоже не будет милым и ти-

хим старичком?

Надо везде и в любой ситуации искать плюсы.

— Да вот же стерва такая, — кашляет Влас Игнатьевич, — понятно, чего Захар загулял... Нет хуже жены, которой за пятьдесят... — опять кашель, — это как старая капризная кобыла, которую на мясо уже не пустишь, а в седле уже не держит...

Вместе с Захаром я избавлюсь и от свекра, которого мне не придется больше терпеть. Не придется больше ему улыбаться на его резкие и гадкие слова, и могу больше не оправдывать его отвратительный характер старостью, болезнями и одиночеством.

— Я пойду на кухню, — шепчет Анна, — вам чаю успокоительного налить?

— А, может, ты мне предложишь чаю?!

Удивительно острый слух для семидесятилетнего мужчины, у которого сердце отказывает. Мне бы такие уши..

— Сколько вам говорить, что вам надо поменять эту дрянь? Она плохо работает! Чай предлагают сначала гостю! Я ее помой пить бы не стал, но сам факт!

— Иди, Ань, — отдаю тихий приказ домработнице, а сама бесстрашно шагаю в гостиную.

Раньше общение с Власом Игнатьевичем на себя всегда перетягивал Захар, чтобы оградить меня от лишних оскорблений и недовольства стареющего отца, но его нет. Он сейчас с нашими внуками по пути к своей новой любви.

— А, может, вам поехать к Захару в его новый дом и познакомиться с Ангелиной? — неторопливо захожу в гостиную.

— Ты мне тут не указывай, — Влас Игнатьевич кривится и его морщины на лице углубляются.

Замечаю, что на его лбу стало больше старческих пигментных пятен.

— Что ты на меня вылупилась? — щурит на меня свои злые глаза, в которых после смерти жены не осталось ничего кроме ненависти к этому миру. — Как ты собираешься возвращать мужа?

— Что? — возмущенно охаю я, и аж задыхаюсь под волной гнева.

Если этот гадкий старикашка помрет не от сердечного приступа, то я его задушу собственными руками.

Мне хватает унижений и от его сына, который решил, что старая жена ему надоела, но почему-то виновата я.

— Это твоя женская ответственность! — топает ногой и скидывает свои густые мохнатые брови. — Да именно так! От хороших жен мужья не гуляют! Верни его в семью, Валя! Как ты вообще такое допустила?!

Глава 17. Не женой ты стала

— Я думал, что ты та женщина, которая сможет сдержать Захара от глупостей.

Я сбежала от свекра в оранжерею, в которой хотела успокоиться. Цветы меня успокаивают. Когда я рыхлю землю, обрезаю листочки, купирую лишние побеги или срезаю ветки для нового букета, мои тревоги успокаиваются.

У меня большая красивая оранжерея с редкими видами цветов, за которыми буквально ведут охоту, но мне повезло, что у меня был богатый муж, которому было не жалко тратить деньги на семена, клубни и на доставку живых сокровищ для милой женушки.

И сейчас я сижу перед кустом пудровых роз, которые были выведены французским заводчиком по заказу Захара лично для меня. Этот подарок я получила десять лет назад на сорокалетие.

У этой розы — пышные и нежные соцветия. Внутренние лепестки — светлее внешних, почти белые, но главная особенность в том, что у нее нет шипов. Вот совсем. Ни единого шипа.

Название сорта, конечно, было придумано Захаром, который и сделал поистине королевский подарок своей жене: Любимая Валентина.

— Красиво у тебя тут, — Влас Игнатьевич ковыляет ко

мне и зло тащит за собой стойку с капельницей. — Знаешь, а я не одобрял всю эту твою страсть к цветочкам, — фыркает, — о, — останавливается в нескольких шагах от меня и розового куста, — это же Захар тебе подарил, да?

На выведение отдельного сорта роз могут уйти годы, и Захар ждал около пяти лет, пока французам не удалось удовлетворить его заказ. И это очень дорого. Дешевле серьги с брюликами купить или отделаться шубкой с билетами на Мальдивы, но Захар решил удивить меня иначе.

Но он тогда меня любил.

Я пришла в оранжерею с четким решением вырвать этот куст с пышными и нежными соцветиями, а после выкопать, но не смогла. Так и сижу, крепко сжав секатор.

— Ну розы и розы, — фыркает Влас Игнатьевич, — чо он тогда так с ними носился?

— Хватит, — цежу я сквозь зубы.

Все наши гости всегда восхищались моей оранжереей. Кто-то даже пытался тайком что-нибудь сорвать и утащить с собой, но особого внимания заслуживала Любимая Валентина.

Когда спрашивали, что это за роза такая, то я кокетливо хихикала и хвасталась, что это сорт, который вывели специально для меня по заказу моего мужа. О, сколько зависти было в женских глазах.

Усмехаюсь. Теперь эти женские глаза наполнятся ехидством, когда уши услышат сплетни о нашем с Захаром раз-

воде.

Никто меня не пожалеет. Я жила как принцесса, а разведусь как рабыня. Так мне и надо. Я должна была быть готова к тому, что восхищение и любовь властного мужчины могут обернуться холодной жестокостью. Такова их природа: если любят, то весь мир кинут под ноги, а если нет, то станешь врагом.

— Валь, — крихтит Влас Игнатьевич, — я, конечно, все понимаю... Женские обидки, гордыня... и все такое, но... ты, что, какой-то молодой стерве решила проиграть?

— Он меня разлюбил, — четко проговариваю я и уже не лью слезы.

— А почему он тебя разлюбил? — зло спрашивает мой свекр, которого я готова затыкать секатором.

— Так бывает.

На глазах вновь выступают слезы и я их сердито смахиваю. Я должна принять эту правду. Да, она жестокая и подобна ржавому ножу в животе, но если я осознаю ее, то смогу сделать шаг вперед.

— Все-таки ты оказалась слабой, — Влас Игнатьевич хрипло возмущается. — Это же как надо было надоесть мужику, что он после стольких лет готов взять и уйти.

— Я уже поняла, что это я виновата в том, что ваш сын не может удержать своего дружка в штанах...

— Вопрос не в том, что не может удержать! Дружок дружком, — почти кричит на меня, — но не всякого мужика мож-

но увести из семьи! Я бы не удивился, если бы он пытался усидеть на двух стульях! А тут он выбрал один! Бесповоротно! Без сомнений! Кем ты ему стала, Валя?

Я смотрю на верхний бутон, который раскроется только завтра, и не моргаю.

— Точно не женой! — Влас Игнатьевич трясет стойку и пакет с физраствором покачивается. — Что ты планируешь делать?

— Я через неделю встречусь с его новой пассией, — откладываю секатор в сторону. — Я сыграю по его правилам. Сделаю так, как он хочет.

— Где он?! — доносится из глубины дома разъяренный бас Захара. — Папа! Ты должен быть в больнице!

Глава 18. Позвать хозяина

Я все еще сижу перед кустом роз, которые выведены и названы в мою честь, когда в оранжерею врывается дикий и разъяренный Захар.

Он в бешенстве.

И как же красиво падают на него сейчас лучи солнца, что бьют через потолочные окна оранжереи.

— Папа! — решительно шагает к старику, который побряхтывает и вытягивает ноги.

Колени Власа Игнатьевича жутко похрустывают.

— Какого черта?! — рычит Захар, и совсем не смотрит в мою сторону. — Тебе только три недели назад вскрыли грудину!

Влас Игнатьевич оттягивает ворот рубашки и заглядывает под нее:

— Как вскрыли, так и закрыли обратно. Бинтами крепко обмотали. На совесть, — вздыхает и рявкает, — и не ори на отца! Что за хамло из тебя выросло?!

Он сейчас серьезно спрашивает? У моего свекра совсем нет идей, в кого Захар такой агрессивный вырос?

— Ты нормальный вообще?! — Захар подходит к отцу и наклоняется к нему. — Загнать своих шавок в больницу и сбежать?!

— Я не сбежал, — Влас Игнатьевич кривится. — Я вышел

спокойно, без спешки. Ну, подумаешь, мои парни закрыли главврача в кабинете и напугали пару медсестер. Такие все нежные стали, куда деваться.

— Время сейчас другое, папа. Это ты раньше мог так развлекаться...

— А кто мне запретит?

— Я тебя верну в больницу, — Захар пытается говорить сдержанно, но я слышу, как его голос вибрирует гневом.

Тут я понимаю, что Захар приехал один за своим отцом.

— Где дети? — наконец, подаю я голос.

— С Ангелиной, — Захар оглядывается и говорит таким тоном, будто я уже успела породниться с его новой шлюхой, — где им еще быть.

— Ты оставил наших внуков с чужой незнакомой теткой? — я встаю, крепко сжимая секатор. — Ты в своем уме?

Я понимаю, что о судьбе моих внуков должны беспокоиться в первую очередь их родители, но они не видят проблемы в том, чтобы Аля, Артем, Ваня и Веня общались с тетей Ангел, как с новой бабушкой.

— Она нашла с детьми общий язык, — Захар зло прищуривается на меня, — она им нравится, а она любит детей.

— Знаешь, Захар, нормальные мужики, когда заводят любовниц, то не уходят от жен, — заявляет Влас Игнатьевич. — А ты тут устроил черт знает что.

— Нормальные мужики? — Захар теряет ко мне интерес и вновь смотрит на отца.

— Что ты несешь?

— Понимаю, мяса свежего захотелось, — мой свекр вздыхает, — молодого смеха, этого сладкого запаха цветущей энергии, других разговоров, в которых есть страсть к жизни... — смотрит на Захара исподлобья, — всем мужикам в твоём возрасте этого хочется, но не все разводятся. Развестись с женой, с которой прожил тридцать лет, это как... не знаю... собаку преданную, но больную выставить на мороз.

Я аж кашляю, а после медленно моргаю:

— Он меня только что сравнил с больной собакой?

У меня из глубин груди поднимается женская ярость, и я сейчас готова этого мерзкого старика живьем закопать в моей оранжерее.

— Я решил со своей женой быть честным, пап, — Захар с вызовом щурится на отца, который отхаркивает мокроты и презрительно плюет себе под ноги.

— Я тебя не так воспитывал! Женился? Живи до конца! — рявкает Влас Игнатьевич. — Хоть толпу эскортниц себе заведи, но брак, — грозит пальцем, — сохрани! Если она, — скидывает в мою сторону руку, — начинает выеживаться, то закрой ей рот ей брюликами, шубками, розочками... или что она там у тебя любит? Короче, заткни ей рот и пусть сидит и помалкивает.

Мне почему-то становится холодно и зябко. Мне совсем не нравится тот сценарий наших отношений, которые обрисовал мой свекр.

— Уведи его отсюда, — клопочу я. — Отвези его своей Ангелине. Может, она и с ним найдет общий язык? Пусть твой чокнутый папаша ей ковыряет мозги ложкой.

Захар вновь на меня оглядывается, и в его глазах в очередной раз вспыхивает темное разочарование во мне. Не поняла. Он ждал, что я сейчас буду мило улыбаться его мерзкому отцу, у которого не рот, а помойка?

— Кажется, я начал тебя понимать, сынок, — Влас Игнатьевич переводит на меня осуждающий взгляд, — Валюша-то к пятидесяти годам ума-то не набралась. Молодость прощает женщине глупость, а вот к зрелости надо быть поумнее.

— Оставь нас, — Захар подходит ко мне и грубо берет под локоть. Подталкивает вперед и наклоняется, — если не можешь себя держать в руках. Иди выпей успокоительного чаю, Валюш.

— Он меня оскорбляет, — цежу я сквозь зубы. — И с нашим разводом мне больше не надо терпеть этого старого козла.

— А ты продолжаешь себя закапывать, — Влас Игнатьевич цыкает, — у меня все меньше и меньше вопросов к вашему разводу. Ни ума, ни хитрости не нажила.

Меня начинает трясти сильной дрожью.

— Я тебе не собака, Захар, — рычу в лицо мужа. — И не старая лошадь, которую не пустишь на мясо.

Захар молча дергает меня на себя и тащит прочь от мерз-

кого старика, который зевает и подставляет лицо под солнце.

Захар выталкивает меня из оранжереи, рывком закрывает стеклянную дверь и делает ко мне шаг:

— Когда говорю, что ты идешь пить чай, ты идешь пить чай! Ты, мать твою, не видишь, что он не в себе? — его глаза темнеют от ярости ко мне. Чеканит каждое слово. — И уж если ты завела разговор об Ангелине, то она бы поняла, что мой отец под обезболивающими, — вырывает из моей руки секатор и откидывает в сторону.

Я вздрагиваю, когда он с громким стуком падает на кафедру, по которому идет тонкая трещина.

Захар вновь злобно всматривается в мои глаза:

— Ты не собака, Валюш, нет. Собака бы почуяла, когда надо затихнуть.

— И забиться в угол? — уточняю я.

— Нет, — наклоняется ко мне так близко, что я чувствую на лице его горячий выдох. — Позвать хозяина.

Глава 19. Мне больно, Захар

— А хозяин... это ты? — обескураженно спрашиваю. — Так, что ли?

Мужская наглость и вседозволенность может ввести в такой шок, что женщина на пару минут выпадет из реальности и забудет, как маму родную зовут.

Конечно, Захар никогда не был тихим мальчиком-зайчиком и всегда вел беседы на грани грубости, но сейчас он превзошел самого себя.

— То есть ты готова примерить на себя роль собаки? — хмыкает он.

Я аж открываю рот и медленно недоуменно моргаю, а после, когда меня, наконец, пробивает возмущение, я замахиваюсь, чтобы, как настоящая оскорбленная леди, залепить по высокомерной роже звонкую и сильную пощечину, но, увы, мою руку перехватывают с тихим предостерегающим рыком.

Сжимает запястье до боли. Еще чуть-чуть, и он раздавит мои кости в мелкие осколки. Если я огрызаюсь, то он давит меня сильнее, но как мне взять себя в руки, если меня обзывают собакой или старой капризной лошадью?

Я же прекрасно знаю, что не должна быть истеричной и агрессивной с ним, если хочу выйти из всей этой уродливой ситуации не безумной и дерганной дурочкой. И да, Захар прав, я должна была позвонить ему, как только его отец

появился на пороге дома.

Это было бы правильно и логично.

— Мне больно, Захар, — шепчу я. — Отпусти.

Прищуривается. Мне сейчас кажется, что если резко дернуть, то он мне руку сломает, чтобы научить той покорности, которую он от меня ждет.

— У меня нервы сдают, Захар, — стараюсь говорить мягко и спокойно, как со взбешенным зверем, которого нельзя провоцировать криками, страхом и слезами.

Не со всеми мужчинами можно играть в гордую и независимую женщину, которая может послать почти бывшего мужа и его отца на три веселых буквы.

Некоторые мужья после развода даже убивают своих жен, потому что мужской мозг очень загадочная штука, которая может прийти к мысли “раз не жена, то лежи теперь в могиле”.

Я вновь напоминаю себе, что я перешла из категории “любимая жена” в категорию “чужая тетка”, чьи претензии и попытки ответить агрессией никто не станет терпеть. Я всегда знала, что жила с агрессивным самцом, с которым не выйдет включать тупую истеричку с недовольными криками о том, что муж, например, пришел поздно домой. Или о том, что давно не говорит нежностей.

Но до всех этих безумных дней у меня самой не было желания кричать и верещать, потому что я довольно мягкий и спокойный человек. Я — роза без шипов, и только поэтому

я выжила рядом с Захаром.

— Ты же должен понять, что... у меня сейчас стресс, — продолжаю вещать тихо и взгляда не отвожу, — а чаи успокоительные мало чем помогают.

— Да уж я вижу, — клокочет он.

— И я не могла позвонить тебе и сказать про отца, — мягко улыбаюсь, и его хватка слабеет.

На запястье точно останутся синяки.

— Мне тяжело слышать твой голос, — перехожу на шепот. И я ведь не лгу, а мой муж очень уважает в женщинах честность, но не грубую правду, а ласковую, — говорить с тобой, — сглатываю, — поэтому... да, я не позвонила тебе.

И финальный аккорд, который точно успокоит гнев деспотичную душу Захара:

— Я была неправа.

Я не моргаю, и с ресниц правого глаза срывается слеза.

Я же знала, за кого выхожу замуж и знала, что мне не быть рядом с Захаром смелой, наглой и решительной воительницей, с которой бы он и года не прожил. Да что там год. Он бы на первой встрече с дерзкой резкой девчонкой недовольно цыкнул, встал и ушел, кинув на стол деньги за ужин.

Он таких презирует. Для него они не женщины, а мужики в юбках.

— Понял, — мрачно отвечает он и отпускает мою руку.

— Можешь же, когда надо! — раздается скрипучий старческий голос. — Даже слезу какую красивую пустила! Аж

нимб засветился над головой!

Я хочу съязвить по поводу собаки с ангельскими крылышками и нимбом на ушами, но молча отвожу взгляд от молчаливого Захара.

Нельзя.

Я тридцать лет прожила с тираном и деспотом милой и тихой девочкой, поэтому меня за мои метаморфозы в дикую и злую ведьму сожгут. Или голову отрубят. Метафорично, но точно.

— Теперь я тоже хочу на встречу с твоей новой лябовью, — Влас Игнатьевич ковыляет мимо, — я тоже приду на ваш ужин, а теперь... вези меня обратно в больницу. Начинает отпускать. Дышать тяжело. Не хочу сдохнуть именно сейчас.

— Ты, кажется, начала приходить в себя, Валюш, — Захар самодовольно хмыкает. — Это радует.

Глава 20. Тихая милая лапочка

Быть милой и тихой лапочкой, которая не смеет скалить зубки. У Захара свое представление о разводе: он решил, что с нашим расставанием мы должны все дружно дружить. Он, я, его любовница и наши дети с внуками.

И его решения не обсуждаются.

Он так или иначе заставит всех дружить, потому что в его картине мира это правильно, и он никому не позволит, как он любит выражаться, дурить.

Мне надо убедить Захара, что я принимаю правила его игры и что я согласна с ним: он имеет полное право быть с другой женщиной и совершенно на него за это не в обиде. В жизни же всякое случается, верно?

— Мы приехали, — напоминает водитель Семен, придерживая дверцу машины распахнутой. Протягивает мне руку. — Валентина, Захар Власович не любит, когда опаздывают. Я не отвечаю.

Сажу на заднем сидении, крепко стиснув в руках клатч, и смотрю перед собой. Агрессивную собаку, которая кусается, жестоко наказывают.

Я должна помнить об этом, и я вновь обязана прибегнуть к той ласковой и мягкой хитрости, которая годами успокаивала агрессию Захара.

Господи, как же это сложно. У меня вся душа растоптана,

а я должна улыбаться, говорить полушепотом и играть покорное достоинство.

— Ладно, — передергиваю я плечами в попытке сбросить с себя ощущение липкой гадливости и, опираясь о твердую руку Семена, вынырываю из салона машины.

Пара шагов к входным дверям ресторана, и их услужливо распахивают два молодых швейцара с дежурными улыбками.

Дальше меня будто накрывает туман. Я захожу, ко мне подплывает брюнетка-хостес в строгом черном платье и после моих слов “меня ждут” уводит в главный зал ресторана.

Высокие потолки, белые скатерти, хрусталь искрит и гул голосов.

Меня начинает подташнивать.

Я на эту проклятую встречу оделась скромно, но со вкусом: строгое бежевое платье из натурального шелка атласного плетения, нитка жемчуга и туфли лодочки на невысоком каблуке. Этакая леди, которая отлично впишется и на чайной церемонии среди английских аристократов.

Никакого кричащего макияжа и провокационных декольте или разрезов.

Как только я захожу в двери, мой взгляд сразу выцепляет Захара за столом в центре зала.

Лев среди остальных мужиков. Вальяжный, немного ленивый. Одет он по своей привычной ему неформальной классике: брюки, рубашка, которая расстегнута на первые две пуговицы, и наручные часы.

Сидит, откинувшись на спинку стула и что-то говорит внимательному официанту, а рядом с ним сидит шатенка лет двадцати пяти. Курносый носик, большие глаза, идеально гладкая, как фарфор, кожа и очаровательный румянец на щечках.

Платье на ней пошито из бархата цвета благородного бордо. Сложная ткань, которая не каждой женщине пойдет: только у редких красавиц он не утяжелит образ, и у нас тут именно такой случай.

Мне бархат совершенно не идет, а тут он подчеркивает светлую кожу, тонкие и изящные черты лица и милый румянец на щечках.

Ангелина убирает локон за ухо, наклонившись к Захару с несмелой улыбкой, и искусственным светом на милой пухлой мочке вспыхивает искра. Мой наметанный глаз сразу понимает, что красавица с большими наивными глазами осмелилась надеть брюлики.

И, черт возьми, они на ней смотрятся очаровательно. Не вычурно, а мило и скромно, что для бриллиантов априори невозможно.

Ну, что я могу сказать?

Если абстрагироваться от того, что я шагаю к своему почти бывшему мужу и его любовнице, то пара из них восхитительная.

Эта та самая гармония, которую находят богатые статусные мужики и молодые женщины-содержанки с травмами из

детства. Я могу предположить с почти стопроцентной уверенностью, что у Ангелины не было в семье отца.

Захар для нее — денежный мешок и сексуальный папочка, который может наказать или похвалить.

Тошнота усиливается.

Наконец, Захар замечает меня, и его взгляд становится острым и напряженным. Оценивает мое состояние: ждать или не ждать истерики.

Он отсылает сдержанным жестом руки официанта и что-то говорит Ангелине, которая тут же переводит на меня настороженный, как у молодой косули, глаза и слабо улыбается.

Когда Захар встает, у меня сердце в груди переворачивается и пропускает удар, а когда он делает ко мне уверенный широкий шаг, то сердце подскакивает к глотке.

— Ты опоздала, Валюш, — заявляет он. — Что тебя задержало?

Глава 21. Подружимся?

Быть не просто милой и тихой лапочкой, но и честной, потому что Захар становится безоружным перед женской чес

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.